УДК 37.018

ДОСОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Татаринова Н.М.

ГОУ ВПО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск, e-mail:vsu@vsu.by

Статья посвящена досоветскому периоду педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних на территории белорусских губерний Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. На основании анализа архивных и литературных источников автор приходит к выводу, что во второй половине XIX в. на территории Белоруссии была сформирована система общественной педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних на криминальном и докриминальном уровнях. В ее основу были положены прогрессивные правовые и педагогические идеи, реализованные по мере возможности силами передовых общественных деятелей. Автором выявлены социально-экономические, мировоззренческие и общественно-правовые предпосылки сложившейся превентивной системы, а также ее основные характеристики. В результате исследования определены закономерности, обусловливающие функционирование досоветской профилактической модели: помощь нуждающимся в социальной защите детям как исполнение прогрессивной общественностью гражданского долга; квазигосударственный характер учреждений для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; первичность превентивного опыта с последующим законодательным закреплением.

Ключевые слова: детская преступность; несовершеннолетние; нравственное исправление; воспитательно-исправительные заведения; принудительное воспитание; педагогическая профилактика правонарушений.

PRE-SOVIET MODEL OF PEDAGOGICAL PROPHYLAXIS AMONG JUVENILE DELINQUENCY(ON THE MATERIAL OF BELARUSIAN PROVINCES IN THE SECOND PART OF THE XIXCENTURY – BEGINNING OF THE XXCENTURY)

Tatarinova N.M.

Vitebsk State University n.a. P.M. Masherova, Vitebsk, e-mail: vsu@vsu.by

The article is devoted to the initial period of pedagogical prophylaxis of delinquencies among minors on the territory of Belarusian provinces of the Russian Empire of the second half of the XIX century – beginning of the XX century. On the basis of the analysis of archival and scientific sources the author concludes that in the second half of the XIX century on the territory of Belarus there was created a system of social and pedagogical prophylaxis of juvenile delinquency at crime and pre-crime levels. The system is based on progressive legal and pedagogical ideas realized to the extent possible by progressive-minded public figures. The author identified socio-economic, ideological and social and legal prerequisites of the preventative system and also its main characteristics. As a result of the research the author identified the patterns cause functioning of pre-Soviet prophylactic model: help to the children in need as a realization of civic duty by a progressive society; quasi-public character of institutions for the children appeared in a difficult living situation; primary preventive experience with the subsequent fixing in the legislation.

Keywords: juvenile delinquency; juvenile offenders; moral improvement; educational and correctional institutions; forced education; pedagogical prophylaxis of delinquencies.

Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних – это социально-педагогическое явление, определяющее ювенальную политику государства и имеющее характер социального воспитания (в широком смысле). Обращение к истории профилактики позволяет осмыслить, прежде всего, духовный потенциал, сложившийся на белорусских землях и реализованный в виде социально-педагогической практики. Историческая ретроспектива профилактики досоветского периода помогает осознать ее

теоретико-методологический и практический фундамент, а также объективно оценить современную превентивную модель и наметить пути ее совершенствования.

Цель исследования – выявить факторы возникновения и раскрыть содержание педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних в белорусских губерниях второй половины XIX – начала XX века.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования стала научная литература по истории, педагогике, юриспруденции, этнографические, статистические, а также архивные источники по изучаемой проблеме. Методами исследования послужили анализ, синтез, сравнение, обобщение, моделирование.

Результаты исследования и их обсуждение. Досоветская модель педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних на белорусских землях начала формироваться во второй половине XIX в. в результате влияния промышленной революции на материальную и духовную жизнь людей. Во второй половине XIX – начале XX в. Белоруссия (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская губернии) находилась в составе Российской империи, что во многом определило сущность превентивной досоветской модели. В качестве факторов ее зарождения мы рассматриваем предпосылки социально-экономического, мировоззренческого и общественно-правового характера.

К началу XX в. в белорусских губерниях завершился промышленно-технический переворот. Объем промышленной продукции увеличился в 37 раз, возникло 16 тыс. новых предприятий. Национальный доход Белоруссии к 1913 г. поднялся вдвое, с 576 млн до 1 млрд. Промышленность укрупнялась: среднее количество рабочих выросло в 6,5 раз и сумма производства в среднем на одну фабрику – в 10,6 раз [14]. Однако, в сравнении с Россией, аграрные белорусские губернии оставались недостаточно развитым экономическом регионом. По словам М.В. Довнара-Запольского, «природа убогая, требующая большого применения труда и капитала, … отсутствие капиталов на месте, отсутствие таких естественно-исторических ресурсов страны, которые бы привлекали капитал извне …» [4, с. 488] характеризовали общую «бледность» хозяйственной жизни Белоруссии.

Мировоззренческой основой помощи «сирым и убогим», ее духовно-нравственным фундаментом явились идеи благотворительности, проповедуемые в религиозных заповедях христиан и иудеев, проживавших на белорусских землях. А.Д. Григорьев отмечает, что «в XIX в. социальная помощь нуждающимся сформировалась в настоящую философию солидарности на принципах фасилитарного поведения» [3, с. 187]. По подсчетам ученого, во второй половине XIX в. в Белоруссии действовало 257 благотворительных обществ и 36 благотворительных заведений призрения и воспитания детей. Под непосредственным

руководством Мариинского ведомства в Белоруссии за счет пожертвований содержалось 11 детских приютов, в которых воспитывалось около 55 % всех сирот [3].

Определяющий импульс белорусскому детскому призрению придавала российская передовая общественность Москвы и Петербурга. Практически осуществляли эту деятельность богатые российские дамы-филантропы, жены генерал-губернаторов и высокопоставленных чиновников. Так, в 1838 г. супруга витебского генерал-губернатора П.Н. Дьякова открыла в Витебске заведение для бедных девиц [5, л. 5]. В 1849 г. под попечительством супруги генерал-губернатора А.М. Голицына был основан Витебский детский приют и Переходное при нем заведение [5], а также детский приют в Могилеве.

Непосредственное влияние на исследуемое явление оказала либеральная правовая мысль Западной Европы и Америки. Уже в первой половине XIX в. западное общество осознало, что детская преступность – это социальное зло, которое нуждается в предотвращении и исправлении.

Взяв за основу западный опыт, российские юристы (А.Ф. Кистяковский, С.В. Позднышев, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др.) разработали отечественные теоретические основы принудительного воспитания несовершеннолетних. Первым в Российской империи нормативным документом, заложившим правовые основы педагогического предупреждения правонарушений несовершеннолетних, стал Закон об исправительных приютах 1866 г. Учреждаемые приюты считались «богоугодными и общеполезными заведениями», могли учреждаться государственными, общественными, духовными организациями и частными лицами «для нравственного исправления несовершеннолетних, отдаваемых … по судебным приговорам» [11].

Закон о воспитательно-исправительных заведениях 1909 г. реализовал идею раннего педагогического предупреждения правонарушений несовершеннолетних через законодательное расширение круга лиц, помещаемых в данные учреждения (порочные, бесприютные, нищенствующие, бродяжничающие) [12]. Что касается практической реализации законов, то к 1906 г. на территории Российской империи действовало 52 исправительных учреждения. Если сравнить, например, с Германией, где их было 678, то становится понятным, что это количество было крайне недостаточным для огромного государства. Все эти заведения были делом частной инициативы и содержались Обществами земледельческих колоний и ремесленных приютов на благотворительные средства. Говоря об эффективности принудительного воспитания, К.В. Рукавишников приводит статистические данные, согласно которым у воспитанников исправительных заведений «процент рецидива колеблется от 6 до 9, … тогда как процент для детей, содержащихся в тюрьмах, равен 96» [13, с. 38].

Так, формирование досоветской модели педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних было обусловлено ростом благосостояния населения в результате развития капитализма; благородной религиозно-нравственной потребностью в помощи нуждающемуся ближнему, реализованной в общественной самодеятельности; мощным влиянием либеральной правовой мысли Запада и России на практику принудительного воспитания несовершеннолетних.

Объектом педагогической профилактики являлись заброшенные (бесприютные, беспризорные) и преступные несовершеннолетние. Субъектами педагогической профилактики стали самодеятельные общества и заведения, ими учреждаемые: благотворительные общества; попечительства детских приютов; тюремные комитеты; общества призрения детей лиц, заключенных под стражу и бесприютных; общества земледельческих колоний и ремесленных приютов; воспитательные дома и детские приюты; исправительно-воспитательные заведения (колонии и приюты). Они решали задачи призрения, воспитания и нравственного исправления несовершеннолетних на докриминальном и криминальном этапах педагогического предупреждения.

Анализ источников позволил изучить содержание педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних в досоветский период.

Задачи раннего педагогического предупреждения правонарушений решало призрение сирот, нищенствующих, бродяжничающих и бедных детей. По данным А.Д. Григорьева, в 1899 г. на территории Белоруссии функционировало 29 детских приютов, целью которых было «сохранить или поправить здоровье детей-сирот достаточным питанием и внимательным уходом, обучить грамоте, воспитывать любовь к труду, порядку, послушанию, утвердить нравственное чувство; обучить какому-либо мастерству или определить в другое училище, мастерскую или место службы по выходе из приюта» [3, с. 23].

Первый на белорусских землях воспитательный дом «Иисус-младенец» был основан в 1786 г. в Вильно женой Тронского воеводы Огинского. К началу XX в. там призревалось 382 ребенка (197 мальчиков и 185 девочек). При воспитательном доме работали общеобразовательная школа, сапожная и столярные мастерские. Всего в Виленской губернии к концу XIX в. насчитывалось 6 приютов, в Могилевской – 8, в Витебской – 6, в Минской – 5 и в Гродненской – 4, в которых содержалось 1326 сирот и полусирот [2].

Призрение в приютах, по свидетельству главной попечительницы Витебского детского приюта С.П. Голицыной, было «поставлено с любовью, … чтобы призреваемые сироты могли получать такого рода воспитание, которое по выпуске доставило бы им средства и возможность трудами своими содержать себя и найти приличное место» [5, л. 11].

Важнейшими средствами воспитания в приютах были элементарное общее и профессиональное обучение ремеслам, производительный труд. В виленских и минских приютах призреваемые воспитанники обоего пола обучались предметам, которые по уставу учебных заведений положены для приходских училищ: Закону Божиему, русской грамматике, чистописанию и четырем первым действиям арифметики, кроме того, девочки обучались вязать чулки, шить белье, вышивать на пяльцах, мальчики – сапожному, швейному, столярному, переплетному и типографскому ремеслам. Мастерские работали на заказ, а заработанные от продажи изделий деньги шли на нужды воспитанников. В Минском приюте Е.А. Трубецкой воспитанницам открывались вклады на сберегательных книжках. В приютских мастерских детей обучали мастера-профессионалы, которых выбирали по конкурсу и достойно оплачивали их труд [2]. Попечительство находило возможным платить учителям в год 100 рублей серебром [6, л. 7]. Воспитательные дома «заботились о трудоустройстве выпускников, … оказывали необходимую помощь в поисках жилья, в течение нескольких лет осуществляли патронаж» [3, с. 23].

С «благой целью упреждения порочности и преступности детей» создавались благотворительные организации для попечения детей арестантов и малолетних правонарушителей. В Витебской губернии силами Общества призрения детей лиц, заключенных под стражу и бесприютных (1893), в Двинске был открыт приют для детей арестантов. При Витебском тюремном замке существовало отделение для малолетних преступников, где содержалось 37 человек. Они трудились на огороде, обучались грамоте и молитвам под руководством священника тюремной церкви. На попечении Дамского отделения Виленского губернского тюремного комитета (1893) находились семьи лиц, содержащихся под стражей. Дамы-патронессы обеспечивали их продуктами, одеждой, денежными пособиями, на благотворительные средства помещали детей арестантов на воспитание в крестьянские семьи и на учебу к мастерам-ремесленникам.

Первый в Российской империи опыт создания колонии для бродяжничающих и нищенствующих детей принадлежит еще дореформенной Белоруссии: в 1819 г. в гомельском имении графа Румянцева под руководством Якова Герда была открыта земледельческая колония для малолетних бродяг. Здесь дети обучались грамоте и ремеслам; успехи были настолько благотворными, что не было необходимости принуждать детей и прибегать к телесным наказаниям [1].

По Закону об исправительных приютах (1866), практически реализованному в Белоруссии лишь к концу XIX в., были открыты три колонии: Витебская земледельческая исправительная колония (1896), Виленская исправительная ремесленно-земледельческая колония (1898), Могилевская исправительная земледельческо-ремесленная колония (1909).

Учредителями колоний являлись Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, которые, как отмечается в Уставе Могилевского общества, должны были содействовать «нравственному исправлению несовершеннолетних лиц обоего пола, всякого вероисповедания, впавших в преступление и приговоренных судом к наказанию, приучая их вместе с тем к полезному труду» [3, с. 93]. Благодаря видным деятелям белорусского благотворения, председателям правления Могилевского и Витебского обществ Л.В. Назимову и М.М. Константиновичу «дело призрения порочных и беспризорных детей в губернии стало на прочную ногу». Об опыте работы колоний они докладывали на VIII Съезде представителей русских исправительных заведений в октябре 1911 г.

Вопреки Закону 1866 г. контингент колоний составляли не только несовершеннолетние правонарушители. Так, в Витебской колонии из 58 воспитанников 44 находились «по приговорам судебных установлений губернии», 11 бродяг, а также трое мальчиков, определенных по желанию родителей, «изуверившихся в возможности исправить своего сына обычными и доступными им средствами» [7, л. 19]. Свыше 80 % попадали в колонии за кражи и сбыт краденного, однако были осужденные за поджог, хулиганство, «преступления против нравственности» и др.

Несмотря на то, что колонии находились в ведении Главного Тюремного управления, они не являлись «полицейскими учреждениями», не имели «ни часовых, ни решеток, ни замков, ни запертых ворот». Основой «нравственного исправления» было воспитание в деятельности – сельскохозяйственный и ремесленный труд. Например, Виленская колония имела 249 десятин земли, где выращивались рожь, овес, картофель, гречиха, ячмень, лен, горох. При Витебской колонии находился «плодовый питомник и маточный сад на 6000 саженцев, ферма с коровами, лошадями, свиньями, птицей [7, л. 56]. В качестве воспитательных поручений использовали присмотр за животными [10, л. 56]. По данным архива, мальчики 16 лет работали в поле по 8 часов [8, л. 14].

В Витебской и Виленской колониях воспитанники проходили обучение токарному, слесарному и сапожному мастерству. Стимулом в работе было выходное пособие, пополнявшееся за счет заработка самих воспитанников. В качестве наказания за проступки применялись вычеты из выходного пособия [9, л. 10].

В ходе нравственного исправления воспитанники обучались Закону Божию, чтению, письму и основным правилам арифметики [11]. Сотрудниками библиотеки Виленской колонии проводились тематические мероприятия с участием местных представителей благотворительной общественности, регулярными были посещение церкви и беседы духовно-нравственного содержания [2].

Наиболее суровыми мерами наказания за проступки – грубость воспитателям, неисполнение приказаний, кражи, избиение товарищей, побеги – служили телесные наказания, разрешенные по Уставу колоний, и карцерное заключение от нескольких часов до пяти суток. Также использовались такие меры наказания, как усиленный контроль, изоляция от товарищей, лишение отпуска домой, лишение прогулки в лес, стояние в углу, лишение булки (овощей, плодов) в праздник [9, л. 30-31]. Например, в Виленской колонии в 1911 г. наибольшее количество наказаний было вынесено за курение, а также «за шалости и беспорядки» [2].

В качестве мер поощрения практиковались экскурсии по городу, прогулки в лес (на рыбную ловлю, для купания), бесплатный проезд по железной дороге, раздача гостинцев, плодов и ягод, а также « постепенное увеличение доверия и относительной свободы, отпуски к родителям» [10, л. 8]. Решением педсовета колоний лучшие воспитанники получали право досрочного условного освобождения.

Как свидетельствуют источники, наибольшей проблемой был подбор служебного персонала колоний: из-за отсутствия специально подготовленных кадров директорами становились далекие от педагогики военные (например, директором Витебской колонии был полковник Ревуцкий [7, л. 15]), на должности воспитателей брали народных учителей, а дядьками работали малограмотные рядовые запаса. Нередко работников увольняли из-за «полной непригодности для порученного им дела» [10, л. 16].

Результативность деятельности белорусских колоний, согласно архивным документам, признается удовлетворительной. Так, «к 1 января 1917 г. в Витебской земледельческой исправительной колонии за последние восемь лет перебывало 203 воспитанника, … 147 выбыли, … из них впали в рецидив 4, а другие остаются благонадежными и добропорядочными работниками в течение 3–6 лет» [9, л. 31].

Белорусское население слабо понимало назначение воспитательно-исправительных колоний, о чем свидетельствуют многочисленные прошения об освобождении, а также ходатайства об отдаче на поручительство от родителей с просьбой отпустить их осужденных детей на время сельскохозяйственных работ [7, л. 24]. В период управления Витебской колонией полковником Ревуцким в марте 1917 г. имело место «освобождение народом» – «насильственное освобождение толпою неизвестных лиц всех воспитанников колонии, причем воспитанниками при содействии толпы были насильственно взяты одежда, обувь и полушубки колонии» [8, л. 5].

Заключение. Вышеизложенное дает основания заключить, что во второй половине XIX в. в Белоруссии была сформирована система общественной педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних на криминальном и докриминальном

уровнях, в основу которой были положены прогрессивные правовые и педагогические идеи, реализованные по мере возможности силами передовых общественных деятелей. Ее основными характеристиками являются: общественный характер организации; эволюционный, обусловленный прогрессивным мировоззрением процесс; правовое закрепление практического опыта общественной самодеятельности; личностный индивидуальный подход; свобода выбора воспитательного воздействия; опора на нравственно-религиозные ценности; удовлетворительное финансирование; удовлетворительная результативность. В результате исследования определены закономерности, обусловливающие функционирование досоветской профилактической модели: помощь нуждающимся в социальной защите детям как исполнение прогрессивной общественностью гражданского долга; квазигосударственный характер учреждений для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; первичность превентивного опыта с последующим законодательным закреплением.

Список литературы

1. Беляева Л.И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних в России, середина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. … д-ра юр. наук. – М., 1995. – 48 с.
2. Благотворительность в России: в 3 т. Т. 1. – СПб.: С.-Петербургская Электропечатня, 1907. – 882 с.
3. Григорьев А.Д. Очерки истории социальной работы на Беларуси. – Мн.: БГПУ им. М. Танка, 1998. – 291с.
4. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. – Мн.: Беларусь, 2005. – 680 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2598. Оп. 1. Д. 50.
6. НИАБ. Ф. 2598. Оп. 1. Д. 76.
7. НИАБ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 1.
8. НИАБ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 2.
9. НИАБ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 3.
10. НИАБ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 4.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение 2. – URL: http://www.runivers.ru/bookreader/book9948.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. Отделение 1. – URL: http://www.runivers.ru/bookreader/book10034.

13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. – 688 с.
14. Шымукович С.Ф. Экономическая история Беларуси. – Минск: Академия управления при президенте Республики Беларусь, 2001. – 185 с.